

Давид
Самойлов

Давид
Самойлов

Поэзия

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С17

Составление *Александра Кауфмана*
Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использована фотография:
Volosina / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Самойлов, Давид Самуилович.
С17 Поэзия / Давид Самойлов. — Москва :
Эксмо, 2023. — 416 с.

ISBN 978-5-04-189751-2

Сгущенно-метафорический стиль поэта соединяет в себе высокое и бытовое; интонационно богатый стих мелодичен, верен классическим традициям. Эта книга — собрание стихотворений Давида Самойлова, в которую включены лучшие стихи из разных сборников поэта. Стихотворения, подвергшиеся цензуре в советское время, восстановлены в первоначальном варианте.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Самойлов Д. С., наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-189751-2

РАННИЕ СТИХИ (1938–1957)

ПЛОТНИКИ...

Плотники о плаху притупили топоры.

Им не вешать, им не плакать —

сколотили наскоро.

Сшибли кружки с горьким пивом

горожане, школяры.

Толки шли в трактире «Перстень короля

Гренадского».

Краснорожие солдаты обнимались с девками,

Хохотали над ужимками бродяги-горбуна,

Городские стражи строже потрясали древками,

Чаще чокались, желая мяса и вина.

Облака и башни были выпуклы и грубы,

Будет чем повеселиться палачу и виселице!

Геральдические львы над воротами

дули в трубы.
«Три часа осталось жить — экая бессмыслица!»

Он был смел или беспечен:

«И в аду не только черти!
На земле пожили — что же! — попадем
на небеса!»

Уходи, монах, пожалуйста, не говори о смерти,
Если — экая бессмыслица! — осталось три часа!»

Плотники о плаху притупили топоры.
На ярмарочной площади крикнули глашатаи.
Потянулись солдаты, горожане, школяры,
Женщины, подростки и торговцы бородатые.

Дернули колокола. Приказали расступиться.
Голова тяжелая висела, как свинчатка.
Шел палач, закрытый маской, —
чтоб не устыдиться,

Чтобы не испачкаться — в кожаных перчатках.

Посмотрите, молодцы! Поглядите, голубицы!
(Коло-тили, коло-тили в телеса колоколов.)
Душегуб голубоглазый, безбородый — и убийца,
Убегавший из-под стражи, сторожей переколов.

Он был смел или беспечен.

Поглядел лишь на небо.

И не слышал, что монах ему твердил
об ерунде.

«До свиданья, други!
Может быть, и встретимся когда-нибудь:
Будем жариться у черта на одной сковороде!»

Май 1938

ПАСТУХ В ЧУВАШИИ

Глухой хрипун, седой молчальник
Из-за коряг следил луну.
Вокруг стоял сухой кустарник,
Жевали совы белену.
И странны, как рога олени,
Валялись корни в отдаленье.
На холод озерных зеркал
Туман влачил свои полотна.
Здесь мир первичный возникал
Из глины и куги болотной.
...И, звезд питаясь млечным соком,
Сидел он, молчалив, как окунь.

Как дым, кипели комары
В котле огромной лихорадки.
За косогоры падали миры.
И все здесь было в беспорядке.

Я подошел к огню костра.
— А сколько будет до кордона? —
Глаза лениво и бездонно
Глядели из болотных трав.
Он был божественный язычник
Из глины, выжженной в огне.
Он на коров прикрикнул зычно,
И эхо пело в стороне...
Я подражал «Цыганам» Пушкина
До третьих петухов.

Потом достигла речь кукушкина
Светлевших перьев облаков.
Коровы сбились в теплый ком,
Следя, как звезды потухали.
Шурша шершавым языком,
Они, как матери, вздыхали...

Конец 1938

ОХОТА НА МАМОНТА

Я спал на вокзале.
Тяжелый мамонт,
Последний,
шел по болотам Сибири.

И камень стоял. И реки упрямо
В звонкие
 берега
 били.

А шкуры одежд обвисали.

 В налушнях
Стрелы торчали. И было слышно:
Мамонт идет по тропам непослушным,
Последний мамонт идет к водоюю.

Так отступают эпохи.

 Косые,
Налитые кровью и страхом глаза.
Под закосневшим снегом России
Оставив армию,
 уходит на Запад.

Но челюсть разорвана криком охоты.
Кинулось племя. В руках волосатых
Свистнули луки, как птицы...

 И кто-то
Уже умирал
 на топях проклятых.

И вдруг закричал
 последний мамонт,

Завыл,
одинокий на всей земле.
Последним криком своим и самым
Угрюмым и долгим
кричал зверь.

Так звал паровоз в ледниковой ночи,
Под топот колес,
неуемно,
грозно...

Мы спали тогда на вокзале тифозном
И там же кончались
при свете свечи.

1939

СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Отмерено добро и зло
Весами куполов неровных,
О византийское чело,
Полуулыбка губ бескровных!
Не доводом и не мечом
Царьград был выкован и слеплен.

Наивный варвар был прельщен
Его коварным благолепьем.

Не раз искусный богомаз,
Творя на кипарисных досках,
Его от разрушенья спас
Изображеньем ликов плоских.

И где пределы торжеству,
Когда — добытую жар-птицу —
Везли заморскую царицу
В первопрестольную Москву.

Как шлемы были купола.
Они раскачивались в звоне.
Она на сердце берегла,
Как белых ласточек, ладони.

И был уже неоспорим
Закон меча в делах условных...
Полуулыбкой губ бескровных
Она встречала Третий Рим.

1941

ПРОЩАНИЕ

Я вновь покинул Третий Рим,
Где ложь рядилась в ризы дружбы,
Где грубый театральный грим
Скрывать нет поводов и нужды.

А я готов был метров со ста
Лететь, как мошка на огонь,
Как только Каменного моста
Почуял плиты под ногой.

Здесь так живут, презрев терновники
Железных войн и революций —
Уже мужья, уже чиновники,
Уже льстецы и честолюбцы.

А те друзья мои далече,
Узнали тяжесть злой стези,
На крепкие прямые плечи
Судьбу России погрузив.

Прощай, мой Рим! Гудок кричит,
Вправляя даль в железную оправу.
А мы еще придем, чтоб получить
Положенное нам по праву!

СЛОВО О БОГОРОДИЦЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

За тучами летучими,
За горами горбатыми
Плачет Богородица
Над русскими солдатами.
Плачет-заливается за тучкою серой:
«Не служат мне солдаты правдой и верой».

Скажет она слово —
лист золотится;
слезу уронит —

звезда закатится.

Чует осень долгую перелетная птица.

Стояли два солдата на посту придорожном,
ветром покрыты, дождем огорожены.
Ни сухарика в сумке, ни махорки в кисете —
голодно солдатам, холодно им на свете.
Взяла их Богородица за белые —
нет! —
за черные руки;
в рай повела, чтоб не ведали муки.
Привела их к раю, дверь отворила,

хлеба отрезала, щей наварила;
мол, — ешьте, православные, кушайте досыта,
хватит в раю
живности и жита.

Хватит вам, солдатам, на земле тужити,
не любо ль вам, солдатам, мне послужити.

Съели солдаты хлеба по три пайки.
Жарко стало — скинули «куфайки».
Закурили по толстой.

Огляделись в раю.
Стоит белая хата на самом краю.
И святые угодники меж облаками
пашут райскую ниву быками,
сушат на яблонях звездные сети...

Подумал первый солдат
и ответил:

«Век бы пробыть, Мати, с тобою,
но дума одна не дает покою, —
ну как, Богородица,
пречистая голубица,
бабе одной с пятерыми пробиться!
Избу подправить, заработать хлеба...
Отпусти ты меня, Пречистая, с неба».

И ответил другой солдат —
Тишка:
«Нам ружьишки — братишки,
сабли востры — родные сестры.
И не надо, Богородица, не надо мне раю,
когда за родину на Руси помираю».

Не сказала ни слова, пригорюнилась
Пречистая.

И опять дорога.
Опять поле чистое.
Идут солдаты страной непогожею.
И лежит вокруг осень
мокрой рогожею.

Октябрь 1942—1943

КАТЕРИНА

1

Баян спасает от тоски,
Но не спасает от печали,
Когда поет, как казаки
Дружка убитого встречали.

Есть где-то в мире Бах и власть
Высокой музыки над сором.
Органа ледяная страсть
Колючим восстает собором.

Той музыке не до любви!
Она светла и постоянна!
О руки белые твои,
О скомороший визг баяна!

Кривляется горбатый мех,
Дробится в зеркальце лучина.
И только твой счастливый смех
Я вдруг услышал, Катерина.

2

В стихах господствует закономерность,
Как в подвижном строении светил,
Как будто с мерным замыслом Гомера
Господь свое создание сличил.

И облака российского ненастья
Теряют вид нестираных рубах,
И горький ветер зла и разногласья
Приобретает старость на губах.

И бытия растерзанная глина
За столько лет, наверное, впервой
В твоём саду, родная Катерина,
Неосторожной поросла травой...

1944

В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Вот когда припомнились друзья!
Вот когда пошли терзать разлуки!
Вспомнили про души — ведь нельзя,
Чтоб всегда натянуты, как луки.

И куда помчится мой двойник
Через все пределы ожидания?
С кем он в шесть часов после войны
Побежит на первое свиданье?

Он устал... Иных давно уж нет...
Камни у разбитого Рейхстага...
В тишину, как лекарь в лазарет,
Ночь идет, не замедляя шага.

Кислой медью крыши зелены,
Ночь идет в просветы стен без стекол.

Медный труп зеленого коня
Скалится, поваленный на цоколь.

Здесь в тиши накрыт наш скромный стол.
Шесть часов... Мы празднуем победу.
Но никто на праздник не пришел.
Те, кого позвал бы я к обеду,

Где они, поэты и друзья!
Кто убит, а кто пропал без вести.
А который, может быть, как я
Пьет коньяк в проклятом Бухаресте.

Трудно в тишине дышать и жить...
И сосед сказал, вздохнув глубоко:
— Может, этот праздник отложить —
Здесь ведь до Парижа недалеко...

1945

О СОЛДАТСКОЙ ЛЮБВИ

Стоят у околицы женщины
И смотрят в осеннюю стынь.
Из Киевщины в Смоленщину,
Из Гомельщины на Волынь

Мянутся солдатские тысячи.
Любовь и для них отыщется,
Но горькая, как полынь...

В наградах и ранах —
Штык да сума —
В шинелишке драной
Он входит в дома.
И славная баба
Безоговорочно
Признает хозяином
Запах махорочный.

«Быть может, и мой так по свету
скитается!» —
Подумает бедная и запечалится.

...Озябшие птицы кричат на ветле,
Туманы заколобродили.
И мнится солдату: он снова в тепле,
Он — дома, он снова на родине.
Он снова в уютном и теплом
Дому,
где живет постоянство...

А там,
за темными стеклами, —

Неприбранное пространство.
А там,
за темными стеклами, —
Россия
 с войною,
 с бедою;

И трупы с слепыми глазами,
Залитыми водою;
И мельницы,
 как пугала,
Закутанные в рогожи;
И где-то родимый угол,
И дом почти такой же.
И там — почти такой же —
Солдат,
 усталый и черный,
Лежит с твоею бабой,
Податливой и покорной...

Я душу с тоски разую.
Закрою покрепче двери,
Чтоб мучить тебя, чужую,
За то, что своей не верю,
За то, что сто лет не бачил,

Какая ты нынче стала,
За то, что холод собачий
И дождь, и вороньи стаи,
И псы цепные брешут,
В ночи чужого чужа,
И реже все,
 и реже
Над нами сны кочуют!..

И нет, не бредить снами,
Покуда беды дуют
И вся Россия с нами
Во весь простор бедует!

Апрель 1944

ДОМ У ДОРОГИ

Когда-то здесь жили хозяева,
За этими стенами белыми,
А нынче потухли глаза его,
Закрыты фанерными бельмами.

И мы здесь стояли постоем,
Недолгие постояльцы.

И мы здесь вдыхали простое
Домашней судьбы постоянство.

В цветении яблонь пернатых,
В печных разноцветных разводах
Здесь дремлет домашних пенатов
Войной потревоженный отдых...

Мы вышли в тот вечер из боя,
С губами, от жажды опухшими.
Три дня рисковали собою,
Не спали три дня и не кушали.

Почти равнодушные к памяти,
Не смыв с себя крови и пороха,
С порога мы падали замертво
И спали без стона и шороха.

Так спят на оттаявшей пахоте,
Уткнувшись пробитыми лбами.
Так спят утонувшие в заводи
Слепцы с травяными чубами...

Мы спим под разметанной крышею,
Любимцы фортуны и чести,
От дома надолго отвыкшие,
Привыкшие к смерти и мести.

1944 или 1945

ДОМ НА СЕДЛЕЦКОМ ШОССЕ

Дом на Сédлецком шоссе.
Стонут голуби на крыше.
И подсолнухи цветут,
Как улыбки у Мариши.

Там, на Седлецком шоссе,
Свищут оси спозаранок.
В воскресенье — карусель
Разодетых хуторянок.

Свищет ось — едет гость,
Конь, как облак, белоснежен.
Там Мариша ждет меня,
Ждет российского жолнежа.

Ты не жди меня, не жди —
Я давно под Прагой ранен.
Это едет твой жених —
Скуповатый хуторянин.

Скоро в доме на шоссе
Будут спать ложиться рано.
Будешь петь, дитя жалеть:
«Мое детско, спи, кохано.

Спи, кохано, сладко спи.
В небе звездочка кочует.
Где-то бродит мой жолнеж?
Где воюет? где ночует?»

Конец 1944

АТАКА

Приказ проверить пулеметы.
Так значит — бой! Так значит — бой!

Довольно киснуть в обороне.
Опять, опять крылом вороньим
Судьба помашет над тобой!

Все той же редкой перестрелки
Неосторожный огонек.
Пролает мина. Свистнут пули.
Окликнут часовых патрули.
И с бруствера скользнет песок.

Кто знает лучше часовых
Пустую ночь перед атакой,
Когда без видимых забот
Храпят стрелки и пулемет
Присел сторожевой собакой.

О, беззаботность бытия!
О, юность горькая моя!
О, жесткая постель из хвои.
Мы спим. И нам не снятся сны.
Мы спим. Осталась ночь до боя.
И все неясности ясны.

А ночь проходит по окопам.
На проволоке оставит клоч.
И вот — рассвет. Приедут кухни.
Солдатский звякнет котелок.
И вот рассвет синее, пухнет
Над лесом, как кровоподтек.

И вдруг — ракета. Пять ноль-ноль.
Заговорили батареи.
Фугасным адом в сорок жерл
Взлетела пашня. День был желт.
И сыпался песок в траншеи.

Он сыпался за воротник
Мурашками и зябким страхом.
Лежи, прижав к земле висок!
Лежи и жди! И мина жахнет.
И с бруствера скользнет песок.

А батареи месят, месят.
Колотят гулкие цепи.
Который день, который месяц
Мы в этой буре и степи?
И времени потерян счет.
И близится земли крушенье.
Застыло время — не течет,
Лишь сыплется песок в траншеи.

Но вдруг сигнал! Но вдруг приказ.
Не слухом, а покорной волей
На чистое, как гибель, поле
Слепой волной выносит нас...

И здесь кончается инстинкт.
И смерть его идет прозреньем.
И ты прозрел и ты постиг
Негодование и презренье.
И если жил кряхтя, спеша,
Высокого не зная дела,
Одна бессмертная душа
Здесь властвовать тобой хотела.
«Ура!» — кричат на правом фланге.
И падают и не встают.
Горят на сопке наши танки,
И обожженные танкисты

Ползут вперед, встают, поют,
«Интернационал» поют.

И падают...

Да, надо драться!

И мы шагаем через них.

Орут «ура», хрипят, бранятся...

И взрыв сухой... и резкий крик...

И стон: «Не оставляйте, братцы...»

И снова бьют. И снова мнут.

И полдень пороха серее.

Но мы не слышим батареи.

Их гром не проникает внутрь.

Он там,

за пыльной пеленой,

Где стоны, где «спасите, братцы»,

Где призрачность судьбы солдатской,

Где жизнь расчислена войной.

А в нас, прошедшая сквозь ад,

Душа бессмертия смеется,

Трубою судною трубя.

И как удача стихотворца,

Убийство радует тебя.

Уж в центре бросились в штыки

Бойцы потрепанной бригады.

Траншеи черные близки.
Уже кричат: «Сдавайтесь, гады!»
Уже иссяк запас гранат,
Уже врага штыком громят
Из роты выжившие трое.
Смолкает орудийный ад.
И в песню просятся герои.

8 сентября 1944
Конколевница

БАНДИТКА

Я вел расстреливать бандитку.
Она пощады не просила.
Смотрела гордо и сердито.
Платок от боли закусила.

Потом сказала: «Слушай, хлопец,
Я все равно от пули сгину.
Дай перед тем, как будешь хлопать,
Дай поглядеть на Украину.

На Украине кони скачут
Под стягом с именем Бандеры.
На Украине ружья прячут,
На Украине ищут веры.

Кипит зеленая горилка
В беленых хатах под Березно,
И пьяным москалям с ухмылкой
В затылки тычутся обрезы.

Пора пограбить печенегам!
Пора поплакать русским бабам!
Довольно украинским хлебом
Кормиться москалям и швабам!

Им не жиреть на нашем сале
И нашей водкой не обпиться!
Еще не начисто вписали
Хохлов в Россию летописцы!

Пускай уздечкой, как монистом,
Позвякает бульбаш по полю!
Нехай як хочут коммунисты
В своей Руси будуют волю...

Придуманы колхозы ими
Для ротозея и растяпы.
Нам все равно на Украине,
НКВД или гестапо».

И я сказал: «Пошли, гадюка,
Получишь то, что заслужила.

Не ты ль вчера ножом без звука
Дружка навеки уложила?

Таких, как ты, полно по свету,
Таких, как он, на свете мало.
Так помирать тебе в кювете,
Не ожидая трибунала».

Мы шли. А поле было дико.
В дубраве птица голосила.
Я вел расстреливать бандитку,
Она пощады не просила.

Сентябрь 1944—1946

МУЗА

Тарахтят паровозы на потных колесах,
Под поршнями пары затискав.
В деревянном вагоне простоволосая
Муза входит в сны пехотинцев.

И когда посинеет и падает замертво
День за стрелки в пустые карьеры,
Эшелоны выстукивают гексаметры
И в шинели укутываются Гомеры.

1944

РУБЕЖ

Свет фар упирается в ливень.
И куст приседает, испуган.
И белый, отточенный бивень
Таранит дорогу за Бугом.

Рубеж был почти неприметен.
Он был только словом и вздрогом.
Все те же висячие плети
Дождя. И все та же дорога.

Все та же дорога. Дощатый
Мосток через речку. Не больше.
И едут, и едут солдаты
Куда-то по Польше, по Польше.

Август 1944

БАБЕЛЬСБЕРГ

1945

Мне снился сон, тифозный и огромный,
Как долгий дождь, подробно, не спеша,
Как будто в целом мире от разгрома
Не уцелела ни одна душа.

И только пятна трупов вдоль обочин,
И только — крупы вымерших коней,
И только — роща голая и очень
Просторный сумрак плещется по ней.

Прошли войска по Западной Европе.
Пролязгали железные стада.
И медленно, как в сказке о потопе,
Обратно в русла схлынула вода.

И просыхают прусские долины.
И тишина объемлет шар земной.
Но где он, голубь с веткою маслины,
Не жди его, новорожденный Ной!

Так холодно в Германии и пусто.
По рощам осень ходит не спеша.
Дома оглохли. И такое чувство,
Что нет души. Что вымерла душа.

А в кабаке оркестр играет танцы.
Цветные юбки кружатся в пыли.
И пьют коньяк в домах американцы,
И русские шагают патрули.

Скрежещут ставни, старые, косые,
Тревожное идет небытие...

Как хорошо, что где-то есть Россия,
Моя мечта, прибежище мое!

10 января 1946

* * *

Зачем кичимся мы и спорим,
Коснеем в давних недоверьях —
Одним мы выброшены морем
На тот же самый звонкий берег.

Мы оттого росли с пристрастьем,
Что, став препоной темной силе,
Была не именем пространства,
А имя времени — Россия.

Так поступайте, как хотите,
Чтоб только песни не стихали!
Для всех достаточно событий,
Пытающихся стать стихами.

И пусть попытка будет пыткой —
Любая мука будет легче,
Чем жизнь с оглядкой и со скидкой
В уютном логове залегши.

Ты прав, товарищ, не до спора,
Когда в цене любое слово.

Быть может, скоро, очень скоро
Горнисты заиграют снова.

Быть может, снова полустанки
Пойдут раскачивать закаты,
И поползут на приступ танки,
Как неизбежность угловаты.

На то даны глаза поэту,
Чтоб разглядеть в кромешном быте,
Как даты лезут на планету
С солдатским топотом событий.

5 января 1946

* * *

Ты не торопи меня, не трогай.
Пусть перегорит, переболит.
Я пойду своей простой дорогой
Только так, как сердце повелит.

Только так. До той предельной грани,
Где безверьем не томит молва,
Где перегорают расстоянья
И ложатся пеплом на слова.

Горький пепел! Он стихами правит,
Зная, что придет его черед,

Даже если женщина оставит,
Друг осудит, слава обойдет.

1946

ЖЕЛАНИЕ

Как вдруг затоскую по снегу,
по снежному свету,
по полю,
по первому хрупкому следу,
по бегу
раздольных дорог, пересыпанных солью.

Туда,
где стоят в середине зари
дома,
где дыханье становится паром,
где зима,
где округа пушистым и розовым шаром
тихо светится изнутри.

Где пасутся в метелице
белые кони-березы,
где сосны позванивают медные
и крутятся, крутятся медленные
снежные мельницы,
поскрипывая на морозе.

Там дым коромыслом
и бабы идут с коромыслами
к проруби.

Живут не по числам –
с просторными мыслями,
одеты в тулупы, как в теплые коробки.

А к вечеру – ветер. И снежные стружки,
как из-под рубанка,
летят из-под полоза.

Эх, пить бы мне зиму
из глиняной кружки,
как молоко, принесенное с холода!

Не всем же в столице!
Не всем же молиться
на улицы, на магазины,
на праздничные базары...

Уехать куда-нибудь,
завалиться
на целую зиму
в белый городишко, белый и старый.

Там ведь тоже живут,
тоже думают,
пока ветры дуют,

по коже шоркая мерзлым рукавом,
там ведь тоже радуются и негодуют,
тоже о любви заводят разговор.

Там ведь тоже с войны не приехали...

А уже ночь – колючая, зимняя,
поздняя.

Окликается эхами.

Ночь, как елка, – почти что синяя,
с голубыми свечками-звездами.

Как вдруг затоскую по снегу, по свету,
по первому следу,
по хрупкому, узкому.

Наверное нужно поэту
однажды уехать. Уеду
в какую-то область – в Рязанскую, в Тульскую.

На дальний разъезд привезет меня поезд.

Закроется паром,
как дверь из предбанника.

Потопают, свистнет, в сугробах по пояс
уйдет,

оставляя случайного странника.

И конюх, случившийся мне на счастье,
из конторы почтовой

спросит, соломы под ноги подкатывая:
– А вы по какой, извиняюсь, части?
– А к нам по что вы?
– Глушь здесь у нас сохатая...

И впрямь – сохатая.

В отдаленье

голубые деревья рога поднимают олени,
кусты в серебряном оледененьи.

Хаты покуривают. А за хатами –
снега да снега – песцовой тенью.

– Да я не по части...

– А так, на счастье...

Мороз поскрипывает, как свежий ремень,
иней на ресницах,
ветерок посвистывает –

едем, едем. Не видно деревень,
только поле чистое.

И вдруг открывается: дым коромыслом,
и бабы идут с коромыслами
к проруби
по снегу, что выслан
дорогами чистыми,
одеты в тулупы, как в теплые коробки.

Приеду! Приеду! Заснежен, завьюжен,
со смехом в зубах,
отряхнусь перед праздничной хатой.

Приеду!

Ведь там я наверное нужен,
в этой глуши, голубой и сохатой.

1947

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

1

Много слов о тебе говорилось.
Я хочу, чтобы ты повторилась!

Но не так, как лицо повторяется
В зеркале бездушном,
Но не так, как облако покоряется
Водам душным.

Но не так, как эхо отворяется
В пустотах лестниц —
Только так, как сердце повторяется
В просторах песни.

Как жила ты, того не ведаю —
Мы родились врагами.

Но была ли ты легкой победою
Над словами, слогами?

Или без отдохновенья
Над черновиками
Мучило тебя вдохновенье
Каменными руками?

Мы к тебе не ходили друзьями
И в друзья не просились.
В какой парижской яме
Бредила ты о России?

Пограничные полосы,
Иноземные грады. —
Мы различные полюсы,
Между нами — разряды.

Ты — царица невольная,
Не вкусившая власти.
Между нами, как молнии,
Накипевшие страсти.

Ты — беглянка болезная,
Заплутавшая в чаще.
Между нами — поэзия,
Этот ливень кипящий.

Марина, Марина,
Много мы ошибались:
Сухие долины
Райским долом казались.

Трудно нам живется,
Трудно плывется
По глухому морю,
По людскому горю.

Но щедрей и угрюмей
Наши вольные страсти —
Ты — как золото в трюме,
Мы — как парус и снасти.

У глубинного кабеля
Ты заляжешь, тоскуя.
Нас же выкинут на берег,
На потребу людскую.

Может, где-то на Каме
Для веселых людей
Поплывем челноками
Под весеннюю сетью дождей.

Иль, как символ братанья,
Об осенней поре
Прогорим над Бретанью
В полуночном костре.

3

Назначение поэта —
Счастье или ярмо?
Ты, Марина, — комета
В полете ее непрямом.

Ты еще возвратишься
Из далеких гостей,
Когда в мире затихшем
Будут мерять по силе страстей.

Ты еще повторишься —
Не как облако в тихой воде,
А как в песнях парижских
И московских людей
Повторяются вольные,
Не признавшие власти
Накопившейся молнии
Накипевшие страсти.

1947

НА ОБИ

Барнаульская ночь высока, холодна,
И видать далеко на Оби.
И звезду на куски расшибает волна
О корму деревянной ладьи.

Мы беседу ведем, приглядевшись ко тьме,
Где болтливые волны спешат.
Красноватый фонарик горит на корме,
Где тяжелые сети лежат.

Пароходы плывут под сипенье гудка,
Просквозив огоньками кают.
Барнаульская ночь холодна, высока,
А на палубе песню поют.

Это жизнь пролетает, светясь и крича,
Лопастями плеща по Оби.
А рыбак на весло налегает с плеча,
И к рассвету шумят воробьи.

Мы идем к островам, где чернеет ветла,
Чтоб соснуть, привалившись к костру.
Там под ветром береза метет, как метла,
Выметая созвездья к утру.

А рассвет розоват, а потом — серебрист,
А потом и светло на реке.
Пароходы уходят на Новосибирск
И гудят, и гудят вдалеке.

Сентябрь 1948

В РАЙОННОМ РЕСТОРАНЕ...

В районном ресторане
Оркестрик небольшой:
Играют только двое,
Но громко и с душой.

Один — сибирский парень,
Мрачнейший из людей.
Его гармошке вторит
На скрипке иудей.

Во всю медвежью глотку
Гармоника ревет,
А скрипочка визгливо —
Тирлим-тирлим — поет.

И музыка такая
Шибает до слезы.
Им смятые рублевки
Кидают в картузы.

Под музыку такую
Танцуют сгоряча
И хвалят гармониста,
И хвалят скрипача.

Когда последний пьяный
Уходит на покой,
Они садятся двое
За столик угловой

И выпивают молча
Во дни больших удач —
Стакан сибирский парень
И рюмочку скрипач.

1952

ЖЕЛЕЗНАЯ СКВОРЕШНЯ

Я вырос в железной скворешне.
А был я веселый скворец.
Порою туманною, вешней
Звенела капель о торец.

Скворешня железная пела,
Когда задували ветра.
Железная ветка скрипела,
Гудела стальная кора.

В скворешне учился я пенью,
Железному веку под стать,
Звенеть ледяною капелью
И цинковым свистом свистать.

А если мне пенье иное,
Живое, уже ни к чему,
То дайте мне сердце стальное
И ключик вручите к нему.

Гоните воркующих горлиц,
Рубите глухие сады,
Пока не заржавели в горле
От слез и туманов лады.

Железом окуйте мне руки,
В броню заключите до пят!
Не то уже странные звуки
С утра в моем горле кипят.

1956

ОСЕНЬ СОРОК ПЕРВОГО

Октябрь бульвары дарит рублем...
Слушки в подворотнях, что немцы
под Вязьмой,

И радио марши играет, как в праздник,
И осень стомачтовым кораблем
Несется навстречу беде, раскинув
Деревьев просторные паруса.
И холодно ротам. И губы стынут.
И однообразно звучат голоса.

В тот день начиналась эпоха плаката
С безжалостной правдой: убей и умри!
Философ был натуго в скатку закатан,
В котомке похрустывали сухари.
В тот день начиналась эпоха солдата
И шли пехотинцы куда-то, куда-то,
К заставам, к окраинам с самой зари.

Казалось, что Кремль воспарил над Москвой,
Как остров летучий, — в просторе, в свеченье.
И сухо вышагивали по мостовой
Отряды народного ополченья.
И кто-то сказал: «Неужели сдадим?»
И снова привиделось, как на экране, —
Полет корабельный, и город, и дым
Осеннего дня, паровозов, окраин.

И было так трудно и так хорошо
Шагать патрулям по притихшим бульварам.

И кто-то ответил, что будет недаром
Слезами и кровью наш век орошен.
И сызнова подвиг нас мучил, как жажда,
И снова из бронзы чеканил закат
Солдат, революционеров и граждан
В преддверье октябрьских баррикад.

Конец 1947 или 1948

СЕМЕН АНДРЕИЧ

С.А. Косову

Помню! Синявинские высоты
Брали курсанты три раза подряд.
Еле уволокли пулеметы.
А три батальона — там и лежат.

Помню! Расстреливали перед строем
Солдатика девятнадцати лет
За то, что парнишка не был героем.
Бежал. А этого делать не след.

Помню! Мальчик простерт на талом
Снегу с простреленным животом.
Помню еще — о большом и малом,
Об очень сложном и очень простом.

И все же были такие минуты,
Когда, головой упав на мешок,
Думал, что именно так почему-то
Жить особенно хорошо.

И ясно мне все без лишних вопросов,
И правильно все и просто вокруг.
А рядом — Семен Андреевич Косов,
Алтайский пахарь, до смерти друг.

Да, он был мне друг, неподкупный и кровный,
И мне доверяла дружба святая
Письма писать Пелагее Петровне.
Он их отсылал не читая.

— Да что там читать, — говорил Семен,
Сворачивая самокрутку на ужин, —
Сам ты грамотен да умен,
Пропишешь как надо — живем, не тужим.

Семен Андреич! Алтайский пахарь!
С тобой мы полгода друг друга грели.
Семь раз в атаку ходил без страха.
И пули тебя, как святого, жалели.

Мы знали до пятнышка друг о друге,
И ты рассказывал, как о любви,

Что кони, тонкие, словно руки,
Скачут среди степной травы.

И кабы раньше про то узнать бы,
Что жизнь текла, как по лугу, ровно,
Какие бывали крестины и свадьбы,
Как в девках жила Пелагея Петровна.

Зори — красными петухами.
Ветер в болоте осоку режет.
А я молчал, что брежу стихами.
Ты б не поверил, подумал — брешет.

Ты думал, что книги пишут не люди,
Ты думал, что песни живут, как кони,

Что так оно было, так и будет,
Как в детстве думал про звон колокольный...

Семен Андреич! Алтайский пахарь!
Счастлив ли ты? Здоровый? Живой ли?
Помнишь, как ты разорвал рубаху
И руку мне перетянул до боли!

Помнишь? Была побита пехота,
И мы были двое у пулемета.

И ты сказал, по-обычному просто,
Ленту новую заложив:
— Ступай. Ты ранен. (Вот нынче мороз-то!)
А я останусь, покуда жив.

Мой друг Семен, неподкупный и кровный!
Век не забуду наше прощанье.
Я напишу Пелагее Петровне,
Выполню клятвенное обещанье.

Девушки в золотистых косах
Споют, придя с весенней работы,
Про то, как Семен Андреич Косов
Один остался у пулемета.

И песни будут ходить, как кони,
По пышным травам, по майскому лугу.
И рощи, белые, как колокольни,
Листовою раззвонят на всю округу.

И полетят от рощи к роще,
От ветки к ветке по белу свету.
Писать те песни — простого прощя
И хитрости в этом особой нету.

10 января 1946

* * *

Жаль мне тех, кто умирает дома,
Счастье тем, кто умирает в поле,
Припадая к ветру молодому
Головой, закинутой от боли.

Подойдет на стон к нему сестрица,
Поднесет родимому напиться.
Даст водицы, а ему не пьется,
А вода из фляжки мимо льется.

Он глядит, не говорит ни слова,
В рот ему весенний лезет стебель,
А вокруг него ни стен, ни кровя,
Только облака гуляют в небе.

И родные про него не знают,
Что он в чистом поле умирает,
Что смертельна рана пулевая.
...Долго ходит почта полевая.

5 февраля 1949

ТРЕВОГА

Долго пахнут порохом слова.
А у сосен тоже есть стволы.
Пни стоят, как чистые столы,
А на них медовая смола.

Бабы бьют вальками над прудом —
Спящим снится орудейный гром.
Как фугаска, ухает подвал,
Эхом откликаясь на обвал.

К нам война вторгается в постель
Звуками, очнувшись вдруг,
Ломотой простреленных костей,
Немотою обожженных рук.

Долго будут в памяти слова
Цвета орудейного ствола.
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой.

И уже ничем не излечим
Пропитавший нервы непокой.
«Кто идет?» — спросонья мы кричим
И наганы шарим под щекой.

23 октября 1947

ТЕЛЕГРАФНЫЕ СТОЛБЫ

Телеграфные столбы.
Телеграфные столбы.

В них дана без похвальбы
Простота моей судьбы!

Им шагать и мне шагать
Через поле, через гать.
Вверх по склону. И опять
Вниз со склона.
Но не вспять.

По-солдатски ровный шаг
Через поле и овраг,
Вверх по склону — и опять
Вниз со склона. И опять
Вверх по склону — на горбы...

Телеграфные столбы.
Телеграфные столбы.

1956

НАЧАЛО ЗИМНИХ ДНЕЙ

Прекрасная пора — начало зимних дней,
Нет времени яснее и нежней.
Черно-зеленый лес с прожилками берез,
Еще совсем сырой, мечтающий о снеге.
А на поле — снежок и четкий след колес:
В ходу еще не сани, а телеги.
В овраге двух прудов дымящиеся пятна,
Где в белых берегах вода черным-черна.

Стою и слушаю: какая тишина,
Один лишь ворон каркнет троекратно
И, замахав неряшливым крылом,
Взлетит неторопливо над селом...
Люблю пейзаж без диких крепостей,
Без сумасшедшей крутизны Кавказа,
Где ясно все, где есть простор для глаза, —
Подобье верных чувств и сдержанных страстей.

Между 1949 и 1955

АПРЕЛЬ

Словно красавица, неприбранная, заspanная,
Закинув голову, забросив косы за спину,
Глядит апрель на птичий перелет
Глазами синими, как небо и как лед.
Еще земля огромными глотками
Пьет талый снег у мельничных запруд,
Как ходоки с большими кадыками
Холодный квас перед дорогой пьют.
И вся земля — ходок перед дорогой —
Вдыхает запах далей и полей,
Прощаясь с хозяйкой-недотрогой,
Следящей за полетом журавлей.

Между 1949 и 1955

ПЕРВЫЙ ГРОМ

Стоят дубы с обнаженными сучьями,
Как молотобойцы с рукавами засученными,
Ударят кувалдой по пням-наковальням,
Откликнется роща громом повальным.
Как мехи, ветрами задышат тучи,
И мехи загудят, запоют, заревут.
И каленую молнию бросит подручный
Остывать,
Как подкову готовую,
В пруд.

Между 1949 и 1955

МОСТ

Стройный мост из железа ажурного,
Застекленный осколками неба лазурного.

Попробуй вынь его
Из неба синего —
Станет голо и пусто.

Это и есть искусство.

* * *

Город зимний,
Город дивный,
Снег, как с яблонь,
Лепестками.
Словно крыльев
Лебединых
Осторожное дыхание.

Дворники,
Как пчеловоды,
Смотрят снежное роенье.
И заснеженной природы
Принимают настроенье.

7 января 1947

СНЕЖНЫЙ ЛИФТ

Все сегодня легко, свежо...
Взять хотя бы вон тот снежок,
Тот, что смехом сыпучим жжет
Твой полуоткрытый рот,
Тот, что падает наискосок
На бульвар, на киоск,

На лоток,
На дома,
На забор из досок.
Он белее, чем белый конь,
Он свежее, чем молоко,
Он навален до самых стрех,
Он просеян сквозь сотню сит.
Вот уже неподвижно висит,
Это город летит вверх.

Город — вверх, мимо снежных сетей,
Город — вверх, на забаву детей.
Мимо снега
Летят фонари,
Окна,
Трубы,
Часы,
Карниз —
Прямо в медленную пургу.

Эй, держись!
Не свались
Вниз!
Там все тоже в снегу!
В снегу!

Если ты сегодня счастлив,
Я возьму тебя в снежный лифт.

Февраль 1949

* * *

И так бывает — в день дождливый,
Когда все серо и темно,
Просветом синевы счастливой
Средь туч откроется окно.

И мгла расходится кругами
От восходящих сквозняков,
Над низовыми облаками —
Паренье верхних облаков.

Но вот уже через мгновенье
Сомкнулся дождевой навес,
И скрылось легкое строенье
Тысячеярусных небес.

28 апреля — май 1957

НОЧЛЕГ

Однажды летним вечерком
Я со знакомым стариком
В избе беседовал за водкой.

Его жена с улыбкой кроткой
Нам щей вчерашних подала,
А после кружево плела.
Старухи грубая рука
Была над кружевом легка.
Она рукою узловатой
Плела узор замысловатый.

Старик был стар — или умен,
Он поговорки всех времен
Вплетал умело в дым махорки.
Или, наоборот, ему
Все время чудились в дыму
Пословицы и поговорки...

Его прекрасное смирение
Похоже было на презрение
К тому, что мучило меня.
Он отвергал легко и грубо
Фантазии народолоба,
Не возмущаясь, не кляня.

Старуха кружево плела.
И понял я, что мало стою,
Поскольку счастье ремесла
Не совместимо с суетою.

Потом стелила нам постель.
Кричал в тумане коростель.
И слышал я на сеновале,
Как соловьи забушевали!
Забушевали соловьи!

Забушевали соловьи!
Что за лады, что за рулады!
Как будто нет у них беды,
Как будто нет у них досады...
Забушевали соловьи...

Я спал, покуда птицы пели,
Воображение распалив.
Потом рассвет струился в щели,
А я был молод и счастлив...

1957

ГОНЧАР

Продавали на базаре яблоки, халву, урюк,
Полосаты, как халаты, запотели арбузы.
А разгневанное солнце било в медные тазы.
И впервые я услышал, что лучи имеют звук.
Как развенчаный владыка,
 гордо шурился верблюдо

На сурового узбека из колхоза «Кзыл юлдуз».
Тот, не глядя на прохожих, молча
вспарывал арбуз.
А вокруг горшков и блюд волновался
разный люд.

Ах, какие это блюда — и блестят, как изразец,
И поют, как колокольчик, и звенят, как бубенец.
Их безоблачному небу взял Аллах за образец.
Это маленькое небо за десятку продают.

А какие там узоры по глазури завиты!
Красноперые пичуги в синих зарослях поют,
И прохладные озера меж цветами налиты.
Эти милые озера за десятку продают.

Он, как глина, мудр и стар, этот
каменный гончар.
Он берет ломоть арбуза — красноватый хруст-
кий снег,
Он к прохожим безучастен, этот старый человек:
Пусть, мол, сам себя похвалит звонкий
глиняный товар.

Он недаром желтой глиной перепачкан
по утрам,